

МАТЕРИАЛЫ К ОТЧЕТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ЭКСПЕДИЦИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН
ЛИТОВСКОЙ ССР 1948—1967 гг.
(Вильнюс, 13—15 мая 1968 г.)

ВИЛЬНЮС—1968

ТЕРРИТОРИЯ ЖЕМАЙТОВ
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ V—XII вв.

А. ТАУТАВИЧЮС

Пожалуй, ни одно из балтийских племен, живших на территории Литвы, не было объектом столь долгих и ожесточенных споров, как жемайты. Особенно много споров вызывало определение их древней территории. Определение территории жемайтов уже в начале XV в. стало объектом споров между Тевтонским орденом и Литвой. В это время спор шел о южных и западных границах Жемайтии. Тевтонский орден доказывал, что жемайты не живут и никогда не жили южнее и западнее Жемайтийской возвышенности, то есть, на западе поселения их не достигали р. Юра. Представители великого князя литовского Витовта требовали возврата всей захваченной территории до Балтийского моря¹.

Этот вопрос снова возник в 20-ые г. XX в. при попытке определить границы между куршами и жемайтами и между скальвами и жемайтами. В 1924 г. языковед К. Буга, пытаясь определить территории племен конца XII в., отводил всю западную часть Жемайтии до рек Вянта и Дубиса куршам, а жемайтов поместил между реками Дубиса и Швянтойи².

В 1930 г. была опубликована работа лингвиста А. Салиса о жемайтских наречиях, в которой, опираясь на документы середины и конца XIII в., он отводил куршам всю территорию западнее линии Кликуюляй—Круопяй—Куршенай и северо-западнее линии Куршенай—Янаполе—Ретавас—устье р. Миния³.

В 1921 г. немецкий историк Г. Гейнрих-Мортенсен, ссылаясь на письменные источники второй половины XIII — начала XV вв. доказывала, что южная и западная граница населе-

¹ В. Dundulis. Lietuvių kova dėl Žemaitijos ir Užnemunės XV amžiuje. V., 1960.

² К. Būga. Aisčių praeitis vietų vardų šviesoje. Rinkiniai raštai, 3, 739, V., 1961.

³ А. Salys. Die Žemaitischen Mundarten. I, Geschichte des žemaitischen Sprachgebiets. Tauta ir žodis, 6, (Karte 1), K., 1930.

мой жемайтскими в конце XIV в. территории соответствует древней (до периода начала войн). По ее мнению, южная граница проходила южнее пос. Лещай, местечек Видукле и Нямакшчай, севернее пос. Трапай (окрестности Скаудвиле) и южнее пос. Лаукува, а западная — западнее поселков Лаукува и Твярай⁴. Тогда же географ Г. Мортенсен предложил южной и западной границей жейотов считать южную и западную окраину Жемайтийской возвышенности. По его мнению, до середины XV в. жемайты жили только до линии Гиркальнис—Калнуяй—Скаудвиле—Бальсаяй (восточнее Шилале) — Кведарна—Твярай—Мядингенай⁵. Эту точку зрения отстаивали Мортенсены и в более поздних своих работах⁶.

Относительно северной границы мнения также несколько разошлись. Так, А. Салис предполагал, что жемайты жили до верхнего течения р. Муша⁷, а Г. Мортенсен самым северным поселением жемайтов считал Шяуляй, который, по его мнению, фактически находился уже за пределами основной территории жемайтов⁸.

Ряд историков, не соглашаясь с мнениями К. Буги, А. Салиса и Мортенсенов, в 1929—1938 гг., опираясь на те же самые письменные источники, доказывали, что жемайтам принадлежала территория до побережья Балтийского моря или, по крайней мере, они жили в земле Цеклис еще до XIII в.⁹

Только восточная граница была принята без дискуссии. Ею считалась р. Нявежис.

Итак, в 30-ые г. постепенно на основе интерпретации разных письменных источников второй половины XIII — начала XV вв. в исторической науке сложилось мнение, что территория жемайтов в XII в. с востока была ограничена р. Нявежис, а на юге достигала Немана только между устьями рек Нявежис и Дубиса. За северо-западную границу приняли определенную А. Салисом юго-восточную границу куршов, а за

⁴ G. Mortensen geb. Heinrich. Beiträge zu den Nationalitäten- und Siedlungsverhältnissen von Pr. Litauen, 47—60. Berlin—Nowawes, 1927.

⁵ H. Mortensenas. Žemaičių augštės reikšmė žemaičių giminės sienai nustatyti. Svetimo darbas, 1/2, 32—35 (1922).

⁶ H. Mortensen u. G. Mortensen. Die Besiedlung des nordöstlichen Ostpreussens bis zum Beginn des 17. Jahrhunderts, 2. Die Wildnis im östlichen Preussen, ihr Zustand um 1400 und ihre frühere Besiedlung. 171—198, (Karte 1), Leipzig, 1938.

⁷ A. Salys. Die žemaitischen... (Karte).

⁸ H. Mortensen. Neues zur Frage der Mittelalterlichen Nordgrenze der Litauer. Zeitschrift für slawische Philologie, 10, 300—304 (1933).

⁹ S. Zajączkowski. Studya nad dziejami Żmudzi wieku XIII, Lwow, 1925, 18—42 (mapa); H. Lowmiański. Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego, 1, Wilno 1931, 2, Wilno 1932; P. Pakarklis. Klaipėdos srities gyventojų tautybė prieš vokiečių ordino atėjimą. Kaunas, 1933; P. Prysmanas. Ne kuršiai, bet žemaičiai. „Vairas“ Nr. 1—2 (1933); V. Vileišis. Tautiniai santykiai Maž. Lietuvoje. 45—53, Kaunas, 1935.

северную — окрестности Шяуляй, где происходила как бы стыковка жемайтов с земгалами. Приблизительно так изображается территория жемайтов в большинстве исторических карт, равно как и в работах археологов¹⁰.

Только в последнее время польский историк Е. Охмански выразил мнение, что северная окраина Жемайтии еще в конце XII в. была заселена венедами, считая, что они заселяли территорию на правом берегу р. Вента и в верховьях рек Дубиса и Муша¹¹. Археолог Э. Штурмс отводя куршам все побережье Балтийского моря до устья рек Нямунас и Миния, уточнил их восточные границы по доступным для него археологическим данным, определяя их приблизительно по линии р. Вардува — оз. Плинкшес — г. Тельшяй — Твярай — Лаукува — Науместис¹².

Все авторы (языковеды, историки, географы, археологи), определяя территорию жемайтов, в основном до сих пор пользовались только письменными источниками XIII—XV вв. В этих источниках очень мало данных для определения границ племен, кроме того эти данные можно по разному интерпретировать. Следует отметить и тот факт, что источники XIV и начала XV вв. представляют нам картину сильно измененную войнами, поскольку после 200-летней войны с ливонскими рыцарями и 150-летней войны с крестоносцами значительные территории опустели.

Поэтому для проверки предположений вышеупомянутых авторов и для восстановления картины этнических территорий до начала XIII в. следует привлечь и археологические данные, которые до сих пор мало использовались. Случилось это потому, что памятники Жемайтии до сих пор были мало исследованы (раскопки Т. Даугирдаса, Л. Крживицкого, Б. Тарвидаса, П. Баленюнаса) и только часть их опубликована.

Проведенные в последние годы разведки археологических памятников Жемайтии и более обширные раскопки могильников в центральной ее части позволяют, хотя еще и в очень общих чертах, уточнить вышеизложенные предположения, которые преобладают в исторической науке.

¹⁰ M. Alseikaitė. Die Bestattung in Littauen, (Karte 4), Tübingen, 1946; M. Gimbutas. The Balts, (fig. 1), London, 1963; Słownik Starożytności Słowiańskiej, 1, 74 (rys. 23); Wrocław—Warszawa—Kraków (1961).

¹¹ E. Ochmański. Weneckie początki Litwy. Acta-Baltico-Slavica, 3, 151—158, Białystok (1966); E. Ochmański. Historia Litwy, 23, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967.

¹² E. Šturms. Die Ausgrabungen in Rutzau und Bauske mit einem Exkurs frühgeschichtliche Fundgruppen und heutige Dialektgrenzen in Lettland und Litauen. Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft. Festschrift zum 60. Geburtstag von Ernst Wahle. 68—75 (Karte 1, 2), Heidelberg, 1950.

На территории Жемайтии (в нынешнем ее понятии — между Балтийским морем и р. Нявежис) известно более 270 городищ. Еще более многочисленными являются погребальные памятники, материалы которых позволяют выделить несколько культурных групп и сопоставить их ареалы с предполагаемыми территориями племен.

В настоящее время известно около 150 могильников II—IV вв. на территории между р. Нявежис и Балтийским морем. По погребальному обряду и наиболее характерным комплексам погребального инвентаря эти памятники можно разделить на 4 группы:

1. Побережье Балтийского моря до устья р. Швянтойи на севере и устья р. Миния на юге занимают могильники с погребениями, окруженными каменными венцами. Таких могильников известно более 20. Более 10 из них исследованы (Аукштакемис, Курмайчай, Рудайчай, Шярнай и др.), и поэтому хорошо известны в археологической литературе¹³.

2. Севернее нижнего течения Немана и западнее р. Юра известны грунтовые могильники с труположением без каменных венцов, хотя иногда с каменными мостовыми над погребениями. Эта группа еще мало исследована (могильники в деревнях Грейженай, Лумпенай), поэтому обычно не выделяются в отдельную¹⁴.

3. В окрестностях г. Каунас, в долине р. Нявежис и по берегам Немана западнее г. Каунас известны также грунтовые могильники с труположениями. Так как несколько этих могильников исследованы (Вяршвай, Саргенай, Серяджюс, Упите, Эйгуляй), они хорошо известны в археологической литературе и обыкновенно выделяются в отдельную группу¹⁵.

4. Пространство между упомянутыми группами грунтовых могильников занимают курганные могильники. Разбросаны они небольшими группами на довольно обширной территории. Их ареал на западе охватывает бассейн р. Юра до слияния ее с р. Шяшувис, на северо-западе они встречаются в бассейне р. Вянта до р. Вардува, а на юго-востоке охватывают часть бассейна р. Дубиса. Их распространение не ограничивается территорией Жемайтии, они встречаются севернее и северо-восточнее — до р. Даугава (Западная Двина). В Жемайтии известно более 60 групп, но исследовано очень незначительное количество¹⁶.

¹³ Х. А. Моора. Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике. КСИД, 53, 3—9, М. (1954); ЛАВ, 168—170 (1961).

¹⁴ Р. Яблонските-Римантене. О древнейших культурных областях на территории Литвы. СЭ, 3, 6—10 (1955); ЛАВ 168;

¹⁵ Р. Яблонските-Римантене. О древнейших... 10—12; ЛАВ, 170—175.

¹⁶ См. статью М. Михельбертаса на стр. 37—46 данного сб.

В середине и во второй половине I тысячелетия н. э. картина постепенно меняется. Приблизительно в IV в. в Жемайтии исчезает обычай хоронить в курганах, а примерно в VI—VII вв. на побережье Балтийского моря, исчезает обычай окружать погребения каменными венцами, и на всей территории западнее р. Нявежис встречаются уже только грунтовые могильники. В данное время их известно около 250.

По некоторым характерным чертам погребального обряда и инвентаря грунтовые могильники второй половины I тысячелетия и начала II тысячелетия также можно разделить на 4 группы:

1. Для северо-западной окраины Жемайтии характерны грунтовые могильники, в которых с IX в. все чаще встречаются погребения с трупосожжением. В погребальный инвентарь входит множество металлических вещей, особенно украшений, которые довольно массивных, в то время как железные орудия труда зачастую бивают миниатюрными, частой находкой является также своеобразный женский головной убор, прикрепляемый булавками. Характерно отсутствие вместе с покойником захороненных коней (погребения коней являются исключительно редкими). Могильники этой группы хорошо известны по материалам ряда исследованных памятников (Гинталишке, Гиркаляй, Лайвяй, Паланга, Яздай и др.)¹⁷.

2. Для юго-западной части Жемайтии (часть Шилутского р-на) характерны грунтовые могильники, в которых до начала II тысячелетия погребения с трупосожжениями были редкими (могильники в деревнях Вежайчай, Грейженай, Рубокай, Юргайчай). Для мужских погребений второй половины I тысячелетия характерны однолезвийные мечи, арбалетовидные фибулы, вместе с мужчинами хоронили коней. Для женских погребений характерны шапочки с круглыми и сердцеобразными подвесками, булавки для прикрепления головного убора и т. д.¹⁸

3. Долину р. Нявежис, окрестности г. Каунас и долину Немана западнее Каунаса занимают грунтовые могильники, в которых с VI—VII вв. преобладают погребения с трупосожжением. В этих погребениях встречаются немногочисленные украшения и орудия труда, оружие встречается весьма редко. Начиная с конца I тысячелетия здесь часто встречают-

¹⁷ LAB, 380—388; См. также статью **Р. Куликаускаене** на стр. 69—71 данного сб.

¹⁸ **A. Bezenberger**. Gräberfeld bei Greyszönen, Kr. Tilsit, Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia, 21, 135—152, Königsberg (1900); **A. Bezenberger**. Graberfeld bei Rubocken, Kr. Heydekrug, там же, 22, 148—194, Königsberg (1909); **D. Waetzold**. Zur Tracht der Bewohner des Memelgebietes in der Eisenzeit. Altpreussen, 4, 116—120 (1939); см. также статью **Л. Накайте** на стр. 65—67 данного сб.

ся погребения несожженных коней под трупосожжением человека или в отдельной части могильника. Погребения коней часто содержат не только богатое снаряжение, но и украшения (могильники в деревнях Вяршвай, Граужай, Пакальнишкяй, Пакапай, Русейняй и др.)¹⁹.

4. Характерные черты погребальных памятников центральной части Жемайтии второй половины I и начала II тысячелетия выяснились после раскопок могильников в Мауджорай (Кяльмеский р-н), в Паэжярис (Шилальский р-н), Юодсоде (Тельшайский р-н), Бикавенай (Шилутский р-н), Упина (Шилальский р-н) и Папиле (Акмянский р-н), в которых вскрыто около 600 погребений²⁰.

Раскопки могильников в деревнях Юодсоде, Паэжярис и Мауджорай показали, что в середине и второй половине I тысячелетия н. э. здесь покойников хоронили не сожженных. В погребениях V—VII вв. редко встречаются шейные гривны. В женских погребениях этого периода появляются головные венки из бронзовых спиралей (они наиболее типичны для восточной и северной части Жемайтии). В юго-западной части Жемайтии встречаются головные венки в виде узких сотканых лент с прикрепленными по краям маленькими бронзовыми колечками и крупной спиралью на затылке.

Другие женские украшения составляют 2 или 4 бронзовые булавки — посоховидные, с колечкообразными, с раструбовидными и треугольными головками, а также крестовидные. Все они меньше по размерам, чем булавки такой же формы, встречающиеся в погребениях на побережье Балтийского моря. Кроме того, хотя булавки и встречаются парами и соединены цепочками, но лежат обыкновенно обе вместе, часто даже одна на другой. Иногда к ним на нитке привязано по одной маленькой янтарной бусинке. Руки в V—VI вв. украшали браслетами с утолщающимися концами и спиральными браслетами, в VII—VIII вв. часто носили цилиндрические браслеты с выпуклой поперечной гранью посередине. Кроме украшений, в женских погребениях встречаются только ножи, шила, пряслицы.

В мужских погребениях найдены немногочисленные украшения. Их составляют железные посоховидные булавки

¹⁹ Р. К. Куликаускаене. Погребения с конями у древних литовцев. СА, 17, 214—220 (1953); LAB, 397—400; О. Navickaitė. Veršvų kapinyno laidojimo ypatybės. MADA, 2(3), 160—174 (1957).

²⁰ В. Валатка. Раскопки могильника в Мауджорай (Кельмеский р-н) в 1964 г. Материалы к отчетной конференции археологических и этнографических экспедиций 1964—1965 гг. 10—11, В., 1966; А. Таутовичюс. Археологические раскопки Института истории АН Литовской ССР. Археологические открытия 1966 года. 274—277, М., 1967. Материалы раскопок, подробно не опубликованы, находятся в музеях Тельшай, Шяуляй и Вильнюса.

и арбалетовидные фибулы, шейные гривны и браслеты встречаются редко, чаще — спиральные перстни. Остальной погребальный инвентарь составляют втульчатые, а иногда — черешковые наконечники копий, ножи, втульчатые топоры, короткие широкие мечи, иногда удила и шпоры, пряжки. В юго-западной части ареала этих могильников в мужских погребениях, несколько выше останков человека, с краю погребальной ямы находим конский череп. Около него иногда находятся бронзовые подвески в виде кленовых семян и удила.

Как показали раскопки могильников в Бикавенной, Папиле, Юодсоде и Упина, погребения с трупосожжением в IX—XI вв. здесь встречаются еще исключительно редко. Более часто они встречаются с XII в. на окраинах данного ареала. В женских и мужских погребениях этого периода значительно больше бронзовых украшений. Так, часто встречаются в них витые и других типов шейные гривны, в мужских погребениях обыкновенно находим 1—2 подковообразные фибулы, а в женских погребениях и IX—XII вв. встречаются по 2 или 4 булавки, но теперь зачастую более крупные по размерам. Преобладают крестовидные булавки, но попадаются и булавки с колючкообразными и с раструбовидными головками, реже встречаются булавки с треугольной головкой и посоховидные. В этих могильниках до сих пор не найдено булавок для прикрепления головного убора или прически. В богатых женских погребениях иногда находим шапочки, сделанные из толстых ниток целиком покрытых нанизанными бронзовыми колючками, край шапочек украшен подвесками в виде кленовых семян (Бикавекай, Упина).

В мужских погребениях короткие широкие мечи встречаются лишь в северной части Жемайтии (Папиле), а южнее и западнее их сменяют однолезвийные и двухлезвийные мечи и длинные боевые ножи. Встречаются еще и конские головы, которые лежат выше гроба над головой мужчины. У ног мужчины иногда лежат не только удила и пряжки, но и стремяна.

Охарактеризованные выше четыре области со свойственными им погребальными обрядами и инвентарем следует отнести к четырем отдельным близко родственным племенам.

Центральную часть Жемайтии, в которой находятся упомянутые могильники, следует отнести жемайтам, так как эти могильники находятся в тех районах, где жемайты жили еще и XIII—XIV вв. По распространению характерных памятников жемайтов видно, что они в V—XII вв., то есть до вторжения в край меченосцев и крестonosцев, жили на более обширной территории чем та, которую им отводят ряд исследователей. На севере ареал жемайтских могильников до-

стигает линии — окрестности Шяуляй—Папиле—Мажейкяй. Севернее Шяуляй и Папиле жемайты граничили с земгалами.

Северо-западная граница жемайтов в V—XII вв. проходила по бассейну р. Вардува, а далее на юг — приблизительно по линии Седа—Тельшяй—Жаренай. По линии Вардува—Жаренай жемайты встречались со своими соседями и родственниками — куршами, могильники которых выделены в первую группу.

Жемайтийские могильники известны и на правом берегу р. Юра (Лилейкенай, Бикавенай и др.), но как далеко на запад от р. Юра распространялись поселения жемайтов, определять еще нельзя из-за отсутствия данных. Соседями жемайтов здесь были жители земли Ламата.

Где-то в окрестностях Таураге жемайты граничили со скальвами, территорию которых определяют такие могильники как Грейженай и др., то есть выделенные нами во вторую группу.

Могильники земли Каршува пока археологами не исследованы, и южная граница жемайтов остается не определенной.

В окрестностях Арёгалы и Дотнувы жемайты встречались со своими восточными соседями — аукштайтами, могильники которых отнесены к третьей группе.

Таким образом, археологические данные вносят некоторые корректуры в предположения языковедов и историков о территории жемайтов, сделанные на основе интерпретации письменных источников XIII—XV вв. Мнение Е. Охманьского, что правобережье р. Вянта и верховья рек Дубиса и Муша еще до конца XII в. были заселены венедами, не находит подтверждения в археологических материалах.